

КОЛЕСО ВРЕМЕНИ

Око Мира

Великая охота

Дракон Возрожденный

Восходящая Тень

Огни небес

Властелин хаоса

Корона мечей

Путь кинжалов

РОБЕРТ
ДЖОРДАН

ПУТЬ КИНЖАЛОВ

КОЛЕСО ВРЕМЕНИ

Книга 8

Санкт-Петербург

Харриет.

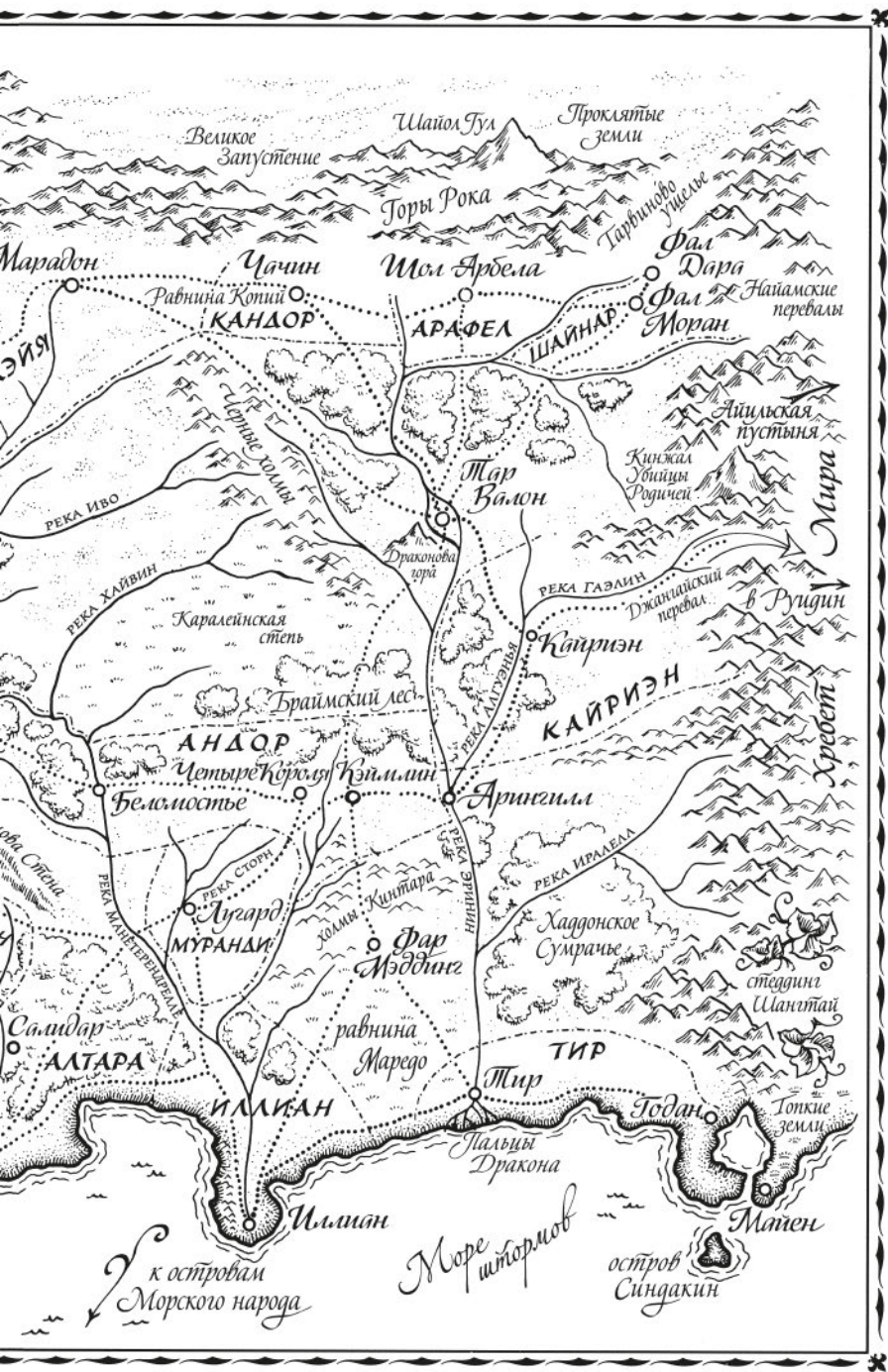
Мой свет, моя жизнь, моя душа — навсегда

Кто алчет могущества, должен взбираться тропой кинжалов.

Анонимная пометка, сделанная чернилами; обнаружена на полях рукописной истории (предположительно датируемой временем Артура Ястребиное Крыло) о последних днях Тованских конклавов

На высотах все пути вымощены кинжалами.

Старая шончанская поговорка

ПРОЛОГ

Обманчивая внешность

Этениелле доводилось видывать горы и пониже, чем эти Черные холмы — будто в насмешку так названные огромные кособокие груды наполовину заплывших землей валунов, по склонам которых петляли крутые тропки. На многих из них несладко пришлось бы и горному козлу. Три дня кряду можно ехать среди иссушенных зноем лесов и лугов с пожухлой травой, не видя и следа человеческого жилья, а потом вдруг в полудневном переходе обнаружить семь-восемь крохотных деревушек, о которых мир и не подозревает. Черные холмы — место неприветливое, в стороне от торговых путей, а в нынешние времена и подавно. С крутого утеса, шагах в сорока в стороне, взирал на проезжавшую мимо Этениелле и ее вооруженный эскорт исхудавший леопард, вскоре исчезнувший из вида. На западе дурным знаменем терпеливо кружили стервятники. Кроваво-красное солнце, на небе ни облачка; изредка налетал теплый ветер и в воздух поднималась стена пыли.

Этениелле ехала неторопливо, с рассеянным видом. Чего опасаться, когда за спиной пятьдесят воинов? В противоположность своему почти легендарному предку Сураце, она вовсе не думала, будто погода подчинится ее воле только потому, что она восседает на Облачном троне. Что же до спешки... В тща-

тельно зашифрованных, оберегаемых пуще глаза посланиях были согласованы сроки выступления в поход, и с каждым была обговорена необходимость не привлекать особого внимания. Не очень простая задачка. Некоторые полагали ее невозможной.

Нахмурившись, Этениелле задумалась о том везении, благодаря которому ей удалось незаметно забраться так далеко: никого не пришлось убивать, и, хотя на объезд малюсеньких деревушек требовалось порой несколько дней, все получилось как нельзя лучше. Несколько огирских *стеддингов* не вызвали затруднений — в большинстве своем огиры уделяли мало внимания тому, что происходит у людей, а в последнее время их это и подавно не волновало, — но вот деревни... Они были слишком малы, вряд ли в них могли оказаться глаза-и-уши Белой Башни или же того, кто провозгласил себя Драконом Возрожденным, — наверное, так оно и есть; впрочем, Этениелле еще не решила, что хуже, — да, слишком малы, но рано или поздно в них появятся торговцы. А торговцы возят с собой не только товары, но и слухи и болтают с кем ни попадя, и слух потечет, словно река, набирая силу, через Черные холмы, покатится дальше по миру. Несколько слов, и один-единственный пастух, ушедший незамеченным, может зажечь сигнальный костер, видимый за пять сотен лиг. От такого огонька запылают леса и луга. И города, быть может. Целые государства.

— Верный ли выбор я сделала, Серайлла?

Сердась на себя, Этениелле поморщилась. Она уже не девочка, чему свидетелями седые пряди, так к чему же бездумно болтать языком? Решение принято. Хотя от тревожных дум никуда не денешься. Свет свидетель, она не так бесстрашна, как бы ей того хотелось.

Первая советница ехала на мышастой кобыле следом за Этениелле, держась вплотную за стройным вороным меринком королевы. С круглым доброжелательным лицом, внимательными темными глазами, леди Серайллу можно было принять за жену фермера в платье родовитой особы, но ум, прячущийся за грубыми чертами потного лица, остротой не уступал уму Айз Седай.

— Другие решения — не меньший риск, — спокойно ответила Серайлла. Коренастая, но сидевшая в седле с той же граци-

ей, с какой танцевала на балах, Серайлла всегда держалась со спокойствием. Без вкрадчивости, лести или фальши — она просто была совершенно невозмутима. — Какова бы ни была правда, ваше величество, но, судя по всему, Белую Башню парализовало, равно как и расколело. Вы могли бы сидеть и следить за Запустением, пока мир у вас за спиной рушился в тартарары. Будь на вашем месте кто-то другой.

Простая необходимость действовать. Только ли это привело ее сюда? Что ж, коли Белая Башня не хочет или не может сделать того, что требуется, тогда это должен сделать кто-то другой. Что толку стоять на рубежах Запустения, если мир за спиной рушится?

Этениелле посмотрела на стройного мужчину, ехавшего по другую сторону от нее: белые пряди на висках придавали ему надменный вид, на стигбе руки в изукрашенных, орнаментированных ножнах красовался меч Кирукан. Во всяком случае, так говорили; что ж, легендарная воительница королева Арамелле вполне могла его носить. Клинок был древним, некоторые утверждали, что создан он с помощью Силы. Двуручная рукоять, как того требовали традиции, была обращена к Этениелле, хотя у нее и в мыслях не было хвататься за меч, как какой-нибудь пылкой салдэйке. Королеве положено думать, вести за собой, командовать, а это вряд ли возможно, если пытаться делать то, что куда лучше способен сделать любой солдат ее армии.

— А ты, хранитель меча? — обратилась Этениелле к мужчине. — Гнетут ли тебя сомнения в этот поздний час?

Лорд Балдер повернулся в украшенном золотом седле, оглянулся на всадников позади, на знамена в их руках, спрятанные в чехлы из выделанной кожи и шитого золотом бархата.

— Мне не нравится скрывать, кто я такой, ваше величество, — нервно проговорил он. — Скоро мир узнает о нас, о том, что мы сделаем. Или что пытаемся сделать. Мы или погибнем, или войдем в историю, или и то и другое вместе, так что пусть они знают нас по именам.

Балдер отличался язвительностью и больше интересовался музыкой и своими нарядами, нежели чем-то еще, — ладно пригнанная по фигуре синяя куртка была за сегодняшний день уже третьей, — но, как и в случае с Серайллой, внешность была

обманчива. На хранителя меча при Облачном троне возлагалась ответственность куда большая, чем таскать меч в украшенных самоцветами ножнах. После смерти мужа Этениелле, около двадцати лет назад, Балдер от имени королевы командовал отправленной в поход армией Кандора, и большинство солдат отправилось бы за ним к самому Шайол Гул. Его не считали выдающимся военачальником, но он знал, когда нужно сражаться, а когда уйти от боя, и знал также, как одерживать победы.

— Место встречи должно быть поблизости, — вдруг заметила Серайлла.

Тут и Этениелле заметила разведчика, которого Балдер выслал вперед, — лукавого малого по имени Ломас, в шлеме с гребнем в виде лисьей головы. Он остановил своего коня на верху тропы. Наклонив копье, он сделал знак рукой, означавший: «виден пункт сбора».

Балдер развернул широкоплечего мерина и громко отдал эскорту приказ остановиться — когда надо было, он мог и рявкнуть, — потом, пришпорив коня, послал того вслед за королевой и Серайллой. Хотя встречались и давнишние союзники, но Балдер, проезжая мимо Ломаса, обронил короткий приказ: «Наблюдай и передавай». Если что-то пойдет не так, Ломас даст эскорту сигнал идти на выручку своей королеве.

Заметив одобрителный кивок Серайллы, Этениелле едва заметно вздохнула. Да, давнишние союзники, но времена нынче такие, что подозрения множатся, точно мухи в навозе. А они разворошат кучу, и мухи наверняка закружатся в воздухе. За последний год слишком многие правители на юге погибли или исчезли, так что она не чувствовала себя спокойно с короной на голове. Слишком много земель подверглись опустошению, которое могла бы учинить разве что целая армия троллоков. Кем бы он ни был, этот ал'Тор, ему за многое придется ответить. За многое.

За Ломасом тропа открывалась в низинку, которую язык не поворачивался назвать долиной, а редкие деревья едва ли служивали названиями рощи. Зелень немного сохранилась на болотных миртах, голубых елях, трехигольных соснах и на нескольких дубах, но остальные деревья стояли либо голые, либо с побуревшей листвой на ветвях. Южнее, однако, находилось то, из-за чего именно это место было выбрано для встречи. На

голом склоне холма, частью уйдя в землю, наклонно торчал тонкий шпиль, похожий на колонну из сверкающего золотого кружева, верхушка его на добрых семьдесят шагов возвышалась над кронами деревьев. Об этом шпиле знал в Черных холмах любой научившийся ходить ребенок, но вокруг на четыре дневных перехода не было деревень, и по своему желанию сюда никто и на десять миль не подойдет. Об этом месте ходили слухи, что здесь бывают жуткие видения и тут, мол, бродят ожившие мертвецы, а коснувшись шпиля, можно умереть.

Этениелле, хоть и не считала себя впечатлительной, слегка поежилась. Ниан говорила, что шпиль — осколок Эпохи легенд и что он никому не причинит вреда. Если повезет, то у Айз Седай не будет повода вспоминать тот разговор, случившийся несколько лет назад. Жаль, что здесь не оживают мертвые. Легенда гласит, что Кирукан собственными руками обезглавила Лжедракона и что от другого мужчины, способного направлять Силу, она родила двух сыновей. Или, может, от того же самого. Она бы знала, как добиться цели и остаться в живых.

Как Этениелле и предполагала, первая пара из тех, на встречу с кем направлялась королева, уже поджидала ее. Обоих сопровождали двое. Пейтар Начиман — на длинном лице слишком много морщинок, куда больше, чем у того ошеломительно красивого мужчины, которым Этениелле восхищалась в детстве, не говоря уже о том, что волос у него стало гораздо меньше, и те — седые. К счастью, он отказался от арафелского обычая заплетать косицы и волосы подстригал коротко. Но в седле Пейтар держался прямо, крепким плечам не нужна подкладка в шитой золотом зеленой куртке, и Этениелле знала, что мечом, висящим у бедра, он владеет с прежней ловкостью. Изар Тогита — квадратное лицо, голова, за исключением пряди белых волос на макушке, выбрита, простая куртка цвета старой бронзы. Он был на голову ниже короля Арафела и худощавее, но тот рядом с ним казался добродушным. Изару Шайнарскому незачем было хмуриться — какая-то печаль всегда таилась в его глазах, — он казался выплавленным из того же металла, что и длинный меч у него за спиной. Этениелле доверяла обоим и надеялась, что это доверие подкрепят семейные узы. Союзы по браку всегда связывали Пограничные земли, в той же мере, как их спланивала война с Запустением. Дочь Этениелле была

замужем за третьим сыном Изара, а сын любимой внучки Пейтара, так же как брат и две сестры, нашли себе супругов в их Домах.

Спутники королей походили друг на друга не больше их самих. Как обычно, Ишигари Тerasиан выглядел так, будто в седло его посадили в похмельном оцепенении после знатной пьянки, и оставалось удивляться, как такой толстяк на коне держится; красная тонкая куртка будто жеваная, щеки не бриты, взгляд затуманенный. По контрасту Кэйрил Шианри, высокий и худощавый, щегольством мало уступал Балдеру, хотя на припорошенном пылью лице сверкали капельки пота, в косицы вплетены серебряные колокольчики, такие же позвякивают на голенищах сапог. Как обычно, на всех, кроме Пейтара, он взирал холодно, чуть ли не воротя свой выдающийся нос. Вообще-то, во многих отношениях Шианри был глуп — короли Арафела редко позволяли себе роскошь прислушиваться к советникам, больше полагаясь на своих королев, — но он тоже был не тем, кем казался с виду. Агельмар Джагад многим походил на Изара, хоть и был выше его и шире в плечах, — по-солдатски просто одетый мужчина, словно из камня и стали, увешанный оружием с головы до ног. Молниеносная смерть, только ждущая приказа. Алесуне Чулин — стройна и привлекательна в той же степени, как Серайлла коренаста и простолица, и в ней клокотала ярость, в то время как Серайлла была само спокойствие. Алесуне, казалось, и родилась в своих тонких шелках голубого цвета. Хорошо бы не забывать, что и о ней, как и о Серайлле, судить по внешности было бы ошибкой.

— Да пребудут с тобой мир и Свет, Этениелле Кандорская, — хрипло поприветствовал Изар Этениелле.

Та остановила коня перед королями, и сразу же Пейтар распевно произнес:

— Да обнимет тебя Свет, Этениелле Кандорская!

От голоса Пейтара сердца женщин по-прежнему бились учащенно. И сердце жены, которая знала, что он весь ее, до подошв сапог, — Этениелле сомневалась, чтобы у Менуки имелся хоть малейший повод для ревности, да и сама она в жизни такого повода не давала.

Этениелле приветствовала их столь же кратко, завершив откровенным:

— Надеюсь, вы добрались сюда незамеченными.

Изар фыркнул и оперся о седло, мрачно разглядывая Этениелле. Суровый мужчина, но одиннадцать лет вдовец и по-прежнему в трауре. В память своей жены он писал стихи. Внешность всегда обманчива, всегда за нею что-то да кроется.

— Когда бы нас заметили, Этениелле, — проворчал он, — нам можно было бы поворачивать назад.

— Уже говорите о том, чтобы поворачивать?

Каким-то образом своим тоном и подергиванием поводьев, украшенных бахромой, Шианри ухитрился выразить разом и презрение, и едва прикрытый вежливостью вызов.

Агельмар холодно оглядел его, чуть шевельнулся в седле, словно бы вспоминая, где какое оружие находится. Да, старые союзники во многих битвах против Запустения, но — все во власти новых подозрений.

Серая кобыла, ростом с боевого коня, затанцевала под Алесуне. Тонкие белые пряди в длинных черных волосах вдруг напомнили плюмаж боевого шлема, а глаза Алесуне заставили легко забыть, что шайнарки не учатся владеть оружием и не бьются на дуэлях. Титул ее был прост — *шатайян* королевского двора, однако если кто-либо подумает, будто влияние шатайян распространяется только на дела с поставщиками провизии, тем самым он совершит смертельно опасную ошибку.

— Безрассудство — это не смелость, лорд Шианри. Мы оставили рубежи Запустения почти без защиты. И если мы не выполним того, что намерены сделать, наши головы насадят на копья. Если об этом не позаботится ал'Тор, то уж Белая Башня в удовольствии себе не откажет.

— Запустение, можно сказать, впало в спячку, — пробормотал Терасиан, потирая мясистый подбородок. Тихо скрипнула щетина. — Никогда не видывал его таким.

— Тень никогда не засыпает, — негромко обронил Джагад, и Терасиан задумчиво кивнул.

Из всех здесь присутствовавших лучшим полководцем считался Агельмар, однако места по правую руку Пейтара Терасиан добился вовсе не потому, что был хорошим собутыльником.

— Те силы, что я оставила, сдержат Запустение, если только вновь не разразятся Троллоковы войны, — сказала Этениелле твердо. — Надеюсь, вы все поступили так же. Впрочем, какое

это имеет значение? Неужели кто-то думает, что мы и в самом деле можем повернуть назад?

Она вложила в вопрос изрядную долю сарказма и не ожидала ответа. Но ей ответили.

— Повернуть назад? — раздался за спиной Этениелле требовательный высокий голос молодой женщины.

К собравшимся галопом подскакала Тенобия Салдэйская и так резко осадилла своего белого мерина, что тот встал на дыбы. По темно-серым рукавам ее дорожного платья с узкими юбками тянулись тонкие цепочки жемчужин, а обильная ало-золотая вышивка подчеркивала тонкую талию и округлую грудь. Высокая для женщины, Тенобия умела быть если и не красивой, то хорошенькой, несмотря на слишком дерзко выступающий нос. Такому впечатлению немало способствовали большие миндалевидные глаза глубокого синего цвета, а также и уверенность, которую она словно бы излучала вокруг себя. Как и ожидалось, королеву Салдэйи сопровождал лишь Калиан Рамсин, один из ее многочисленных дядьев, седоволосый, покрытый шрамами, с орлиным профилем и густыми усами, загигавшимися вниз. Тенобия Казади принимала советы солдат, но больше — ничьи.

— Я назад не поверну, — яростно продолжала она, — что бы ни стали делать другие. Я отправила своего *дорогого* дядю Даврама принести мне голову Лжедракона Мазрима Таима, а теперь они оба, и он, и Таим, идут за этим ал'Тором. Это если верить хотя бы половине того, что я слышала. При мне пятьдесят тысяч, и, что бы вы ни решили, я не поверну обратно, пока дядя и ал'Тор в точности не усвоят, кто правит Салдэйей!

Этениелле переглянулась с Серайллой и Балдером, а Пейтар и Изар принялись убеждать Тенобию, что тоже не намерены отступать. Серайлла чуть качнула головой, еле заметно пожала плечами. Балдер не таясь закатил глаза. Этениелле отчасти предполагала, что в конце концов Тенобия не решится приехать, но, видно, с девчонкой хлопот не оберешься.

Салдэйцы были со странностями — частенько Этениелле удивляло, как это ее сестра Эйнона так удачно вышла замуж за другого дядю Тенобии, — однако у Тенобии все странности доходили до крайностей. От любого салдэйца можно ожидать чего угодно, но Тенобия находила удовольствие в том, чтобы шо-